

ИЛЬЯ МОИСЕЕВИЧ ГЕЙЦМАН И ЕГО ПРОЕКТ ДЛЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1920 год)

© 2019 г. Н.Н. Станков

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

E-mail: stankov11@yandex.ru

В статье исследуются документы бывшего анархиста, сотрудника Народного комиссариата иностранных дел И.М. Гейцмана о политике РСФСР в отношении Чехословацкой республики. Рассматривая ЧСР как государство наиболее благоприятное для деятельности в пользу Советской России, Гейцман подготовил конкретные рекомендации для Народного комиссариата иностранных дел, Коминтерна и ВЧК.

In present article, documents of the former Anarchist and the Foreign Affairs Commissariat's official Ilya M. Geitzman related to the policy of Russian SFSR in the Czechoslovak republic are investigated. Geitzman considered Czechoslovakia as the most suitable state for the Soviet foreign policy. He prepared certain recommendations for the People's Commissariat of Foreign Affairs, Comintern, the Cheka (the All-Russia Extraordinary Commission to Combat Counter-revolution and Sabotage).

Ключевые слова: И.М Гейцман, В.И. Ленин, В. Гирса, Чехословакия, советская внешняя политика.

Keywords: Ilya M. Geitzman, V.I. Lenin, V. Girska, Czechoslovakia, the Soviet foreign policy.

DOI: 10.31857/S0869544X0004739-5

8 декабря 1920 г. председатель Совета народных комиссаров РСФСР В.И. Ленин, изучая поступившие документы, прочитал письмо сотрудника отдела Востока Наркоминдела Ильи Моисеевича Гейцмана, просившего об аудиенции. Внизу страницы Ленин сделал короткую запись – поручение председателю ВЧК Ф.Э. Держинскому и секретарю ЦК РКП(б) Л.П. Серебрякову: «Прошу заказать (или дать) справки, если есть, об этом человеке» [1. С. 59; 2. С. 374. Док. 444].

И.М. Гейцман не был совсем неизвестной личностью. Родился он в 1879 г. в г. Поневеж Ковенской губернии в семье учителя. Получил домашнее образование. Работал столяром в Двинске. В 1897 г. участвовал в забастовке столяров и был арестован. После освобождения работал в Бунде, вел агитацию и пропаганду в Двинске, Вильно и других городах Западного края. В 1901 г.

бежал с военной службы, эмигрировал в Англию, где примкнул к анархистам [3. С. 111]. В письме Ленину Гейцман напоминал, что в Лондоне в 1903 г. он присутствовал на его выступлениях и дискутировал с ним, когда Ленин выступал с рефератами о программе российской социал-демократии, о программе партии эсеров и террористической деятельности [4. Л. 1]. В 1905 г. Гейцман вернулся в Россию и активно включился в революционное движение, возглавлял организации анархистов-коммунистов в Северо-Западном крае, создавал боевые дружины, мастерские по изготовлению бомб, участвовал в подготовке ряда террористических актов, был одним из организаторов покушения на виленского полицмейстера. В 1907 г. арестован и сослан в Тобольскую губернию, откуда бежал. Но был вновь арестован и сослан на каторгу. С 1914 г. и до Февральской революции содержался в Иркутской тюрьме. Летом 1917 г. Гейцман издал «Манифест анархистов-коммунистов», в котором призывал идти «вместе с революционными массами», выступал за создание «революционных синдикатов» и «фабрично-заводских и сельскохозяйственных коммун». С осени 1917 г. сотрудничал с большевиками, был избран членом Центрального исполнительного комитета советов Сибири (Центросибири), в котором возглавлял комиссариат иностранных дел. После падения советской власти Гейцман был на подпольной работе на Дальнем Востоке. Весной 1920 г. стал комиссаром иностранных дел в Хабаровском исполкоме [5. С. 14; 6. С. 112]. В сентябре он отправился в Москву. Путь из Владивостока через Китай, Индию, Цейлон, Италию, Австрию и Чехословакию занял более двух месяцев [4. Л. 1].

До Праги ехал в обществе чешской интеллигенции (врачей, инженеров, агрономов), подолгу с ними беседовал, выясняя их настроения, отношение к советской власти [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25]. Довольно близко сошелся с Вацлавом Гирсой, представлявшим в России Чехословацкую республику и руководившим до своего отъезда из Владивостока эвакуацией чехословацких легионеров. Гейцман писал, что В. Гирса «весьма крупная фигура» в Чехословакии, близкий друг президента Т.Г. Масарика и в ближайшее время можно ожидать его на посту министра иностранных дел ЧСР. Но Гейцман ошибся, в январе 1921 г. В. Гирса стал заместителем министра иностранных дел. А в ноябре 1920 г. он был назначен посланником ЧСР в Варшаву, что, как уверял Гейцман, противоречило его первоначальному плану, которыми он поделился с Гейцманом во время путешествия, а затем при встречах в Праге. Еще будучи во Владивостоке, Гирса намеревался «ехать в Москву с целью работать для славянского дела против Антанты», — отмечал Гейцман. Такое решение им было принято вследствие польско-советской войны, которую Гирса, по словам Гейцмана, считал «почти крахом славянства, выгодной лишь Антанте и возникшей по ее инициативе» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 32–33]. Назначением в Варшаву Гирса был крайне недоволен. «Ориентацию его правительства на Варшаву он считает ошибочным», — писал Гейцман. По его словам, цель поездки Гирсы в Варшаву помимо урегулирования частных вопросов о границах заключалась «главным образом в созидании и укреплении славянской Антанты, дабы славянские народы не играли роли марионеток в руках союзников». Гирса же считал, подчеркивал Гейцман, что «фундамент славянского объединения» необходимо заложить в Москве. Он рассчитывал после Варшавы получить назначение в Москву. Гирса не скрывал, что не разделяет взглядов большевиков, но уверял, что «он друг России в целом и другом является прежде всего потому, что Чехии необходимо иметь крепкую опору в лице России». Гирса, по словам Гейцмана, был «крайне недоволен

оппозициями существующей власти в России», потому что поведение российской оппозиции власти большевиков «сопряжено с нескончаемой интервенцией», а «продолжение интервенции сулит России и всему славянству лишь бедствия и катастрофы». По этому поводу Гирса хотел поговорить с представителями российских социалистических партий. Очевидно, по его просьбе Гейцман встречался с одним из лидеров эсеров О.С. Минором, своим давним знакомым по тюрьме. Из этой беседы Гейцман вынес впечатление, что пока большевики находятся у власти, ничего положительного для России от эсеров ожидать не следует [7. П. 273. Д. 53928. Л. 33].

Накануне отъезда Гейцмана в Москву Гирса просил как можно чаще и полнее информировать его о положении дел в Советской России. Он утверждал, по словам Гейцмана, что улучшение информации для интересов России «нужнее, чем какая-нибудь дипломатическая миссия» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 34]. Гирса даже выразил готовность через два-три месяца приехать из Варшавы в Прагу специально для встречи с Гейцманом и достал ему визу «для беспрепятственного въезда в Чехию» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 34].

В Праге Гейцман встречался с главой советской миссии Красного Креста С.И. Гиллерсоном. Гейцман поделился с ним своими сведениями и предложил устроить встречу с Гирсой. Такая встреча состоялась, беседа длилась два часа. Но когда на следующий день Гейцман осведомился у Гирсы, какое впечатление произвел на него советский представитель, то последовал ответ «такого интимного характера, что невозможно передать его бумаге» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 33].

Вернувшись в Москву, Гейцман поступил на службу в отдел Востока Наркомата иностранных дел и составил на имя заместителя наркома Л.М. Карахана докладные записки о Дальнем Востоке и о Чехословакии [7. П. 273. Д. 53928. Л. 34]. На Карахана сам Гейцман и обе его записки произвели положительное впечатление, и теперь, как писал Дзержинский Ленину 9 декабря 1920 г., он «желает и с Вами поделиться своими соображениями» [2. С. 375. Док. 444; 4. Л. 2].

«Соображения» Гейцмана о политике Советской России в отношении ЧСР изложены в его «Докладной записке о текущем моменте в Чехии». По мнению автора записки, Чехословакия была уголком мира, в котором люди относились к Советской России «более объективно, чем где бы то ни было в Европе». Такое отношение Гейцман объяснял «многими причинами политически-культурного и психологического характера» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25]. В своей вековой борьбе с Габсбургским режимом чехи «привыкли искать опору и поддержку в России» и имели весьма веские основания думать, что враги чехов являются также врагами Советской России. Находясь между Польшей и Венгрией, Чехословакия вынуждена, по мнению автора, «волей-неволей все решительнее обращать свои взоры в сторону Советской России» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25].

Гейцман подчеркивает, что в культурном отношении Чехословакия «стоит довольно высоко». Борьба чехов против Габсбургов выразилась также в стремлении к высшему образованию. После распада империи «чешское общество в пределах своей маленькой страны сильно обременено избытком интеллигенции». Даже в империи, когда вся Австро-Венгрия была для нее открыта, чешская интеллигенция не всегда находила применение своим знаниям и силам в ее пределах и приезжала в Россию. Близость языков,

привилегированное положение интеллигенции в России способствовали их интеграции в российское общество. Теперь же, когда военные действия собрали их со всех сторон, а после демобилизации армии «резерв интеллигенции вырос колоссально», она, отмечает Гейцман, «буквально задыхается в теснинах своей маленькой родины, не находя себе ни места, ни занятий». Как считал Гейцман, часть из них могла бы приехать в Советскую Россию. Он писал, что во время путешествия из Владивостока в Прагу многие представители чешской интеллигенции охотно взяли у него адрес на случай, если не удастся устроиться на родине, приехать в Россию, где Гейцман как «активный советский работник» обещал им помочь. При этом «щедро отпускались комплименты советской власти, которая дает возможность служить всему народу, а не только купцам и генералам» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25].

Гейцман считал, что «психологически чехи нашего времени являются самым неустойчивым народом Европы». «Их убеждения, симпатии висят между большевизмом и английским консерватизмом», — писал он, не обременяя себя какими-либо пояснениями или обоснованиями. Главным стимулом современных настроений чехов является желание спокойно жить в независимой стране и прокормить свои семьи. Чехи меньше других мирились со своим зависимым положением в империи Габсбургов. Гейцман отмечает их очень глубокую ненависть к немцам и венграм, антагонизм с поляками, в связи с чем «наблюдается сильный уклон в сторону Советской России» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25].

Автор «Докладной записки» также подчеркивал, что чехи как народ культурный и «наиболее проникнутый славянскими традициями больше других страдает от глубокого падения славянского мира» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25об.]. Они считают, что славянские народы заплатили войне непосильную дань, а плоды победы присвоила Антанта. Они прекрасно понимают, что Антанта рассматривает их в качестве буфера между Советской Россией и Европой. Если странам Антанты потребуется в каких-либо комбинациях использовать Гогенцоллернов или Габсбургов, то они «вытащат их из архива для новой роли в истории», не задумываясь об интересах славянских народов. «Призрак реставрации Габсбургов все время не исчезает с политического горизонта Чехии», — писал Гейцман, — и наводит такой ужас на самых серьезных, самых видных общественных деятелей, от которого буквально последние теряют голову» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25об.].

Исходя из вышеизложенного, Гейцман делал вывод, что Чехословакия во всей Европе является наиболее благодатным полем «для деятельности в пользу Советской России». «Тем не менее, — писал он, — благодаря нашей халатности, нашей преступной расхлябанности, благоприятная почва в Чехии до сих пор не только не использовалась Советской Россией, но, наоборот, русский контрреволюционный лагерь успел пустить там глубокие корни, которые может быть удастся вырвать, но уже с большим трудом» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25об.]. Прага стала одним из европейских центров, где «русская контрреволюция свила себе просторное и прочное гнездо» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25об.]. Гейцман подчеркивает, что в ЧСР находится «моральный авторитет эсеровской партии»: О.С. Минор, В.М. Зензинов, В.И. Лебедев, Е.Е. Лазарев, И.М. Брушвит, «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская и многие другие [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26] (о российской эмиграции в ЧСР подробнее см. [8. С. 419—456; 9]). Именно эсерам Гейцман уделяет наибольшее внимание, рассматривая «контрреволюционный лагерь», который

развернул в Чехословакии бурную деятельность, издавая газеты, распространяя антисоветскую литературу, организовывая лекции, концерты, спектакли, создавая русско-чешские кружки для взаимного сближения и т.д. Вся эта многогранная деятельность преследовала, по мнению Гейцмана, следующие цели: во-первых, поддержать антисоветские настроения в среде русских эмигрантов; во-вторых, «вылавливать из этой среды те элементы, которыми можно поддержать слабеющие силы контрреволюционного лагеря», т.е. использовать для более активной работы как за границей, так и для поддержания связи с антибольшевистским подпольем в Советской России, для обмена информацией и т.д.; в-третьих, поддерживать антисоветские настроения у самих чехов. Главную свою задачу русский «контрреволюционный лагерь» видел в недопущении сближения между Чехословакией и Советской Россией. «Если чехи до сих пор относятся враждебно или, вернее, чуждаются России, то это надо объяснить исключительно пропагандой русских контрреволюционеров», — писал Гейцман. Он считал, что «между Чехией и Россией нет естественного антагонизма, он поддерживается искусственно внешними силами русской реакции, изгнанной революцией за границу, с одной стороны, с другой стороны, — Антантой» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25об.].

Исходя из своих рассуждений, Гейцман наметил «практические задачи» деятельности в Чехословакии Наркомату иностранных дел, Коминтерну и ВЧК. По его мнению, советская дипломатия должна сосредоточить свое внимание на трех основных моментах. Во-первых, использовать в интересах Советской России славянские симпатии и настроения чехов. Гейцман считал, что «принцип славянства не противоречит такой или иной формуле политической власти, а дипломатия и советская не может в свою очередь козырять пролетарским интернационализмом», справедливо отмечая, что «эту задачу имеют другие учреждения Советской России». Во-вторых, «использовать растущую ненависть славянского мира вообще и чехов в особенности к Антанте». В-третьих, «непременно использовать антагонизм» между Польшей и Чехословакией. Гейцман считал, что «такой антагонизм имеется налицо» и более того, обе стороны мобилизуют свои силы «для серьезной схватки в удобный момент» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26].

Следует отметить, что все эти размышления не вполне соответствовали реальному положению дел. Во-первых, Гейцман слишком преувеличивал возможность использовать для развития отношений с Советской Россией славянские симпатии и настроения чехов. Политическая элита и значительная часть населения ЧСР с опасением относились к большевистскому режиму. С другой стороны, идея славянской взаимности была чужда большевикам. Она никак не согласовывалась с принципами пролетарского интернационализма, с идеей мировой революции, заботой о развитии коммунистического движения. Подавляющая часть документов В.И. Ленина, касающихся Чехословакии, свидетельствует о том, что главное внимание уделялось развитию леворадикального движения, размежеванию его с социал-демократами, подготовке создания коммунистической партии, вступлению ее в Коминтерн, идейному единению чехословацких коммунистов и большевиков.

Во-вторых, Гейцман ошибался, приписывая «растущую ненависть славянского мира вообще и чехов в особенности к Антанте». Возможно, подобные выводы он сделал в связи с подписанием 14 августа 1920 г. чехословацко-югославского договора, который к тому же Франция первоначально

встретила враждебно. Гейцман считал, что «центральным вопросом в порядке дня славянской дипломатии является вопрос об объединении славянского мира, чтобы иметь возможность сколько-нибудь постоять за себя против хищнических appetitов и кровавых замыслов большой Антанты» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 32]. Однако в действительности речь не шла о создании славянской Антанты и ее противостоянии большой Антанте. Чехословакия и ее союзники по Малой Антанте рассматривали Францию как гарант Версальской системы и не собирались портить с ней отношения, впрочем, как и Франция с ними (см., например, [10. S. 226. Dok. 135]).

В-третьих, Гейцман излишне преувеличивал антагонизм между Польшей и Чехословакией, который хотя и имел место, но не до такой степени, чтобы в то время дело дошло до «серьезной схватки».

Из всех рекомендаций Гейцмана для советской дипломатии только одна основывалась на реальной почве — заинтересованность ЧСР в развитии торговых отношений с Советской Россией. «Надо выяснить детально практические и технические возможности таких операций, и этим самым наша дипломатия сделает практический шаг уже в настоящий момент к сближению Чехии и Советской России», — писал он [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26].

Первоочередной задачей Коминтерна в Чехословакии Гейцман считал противодействие пропаганде «наших контрреволюционеров» путем организации систематической пропаганды «в пользу советской власти». Он подчеркивал, что в Чехословакии можно беспрепятственно издавать на русском языке советские газеты, читать лекции и даже митинговать. «Таким образом, можно было если не уничтожить окончательно, то по крайней мере ослабить влияние контрреволюционеров на массы русских эмигрантов» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26об.]. Он считал, что из Чехословакии Коминтерн может развернуть активную работу в соседних странах. По его мнению, Прага является центральным пунктом для работы Коминтерна в Галиции, Карпатах и Югославии. Гейцман утверждал, что «чехи благосклонно относятся к революционному движению в Галиции и Карпатах», поскольку главным образом оно направлено против поляков и венгров. Сотрудники Коминтерна из Праги могут развить соответствующую работу в указанных регионах, не допустить успеха контрреволюционеров и прийти на помощь местному революционному движению. По оценкам Гейцмана, особенно распространены революционные настроения в Галиции, и на весну 1921 г. там намечалось восстание. Поэтому он считал, что на Галицию следовало обратить особое внимание, но ведущаяся там до того времени из Праги деятельность была кустарничеством [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26об.].

Широкое поле деятельности в Праге намечал Гейцман и для ВЧК. «В этом городе русская контрреволюция сконцентрировала большую часть своих сил, — писал он. — Оттуда тянутся нити к Варшаве, Вильно, Риге, Ревелю, Ковно и т.д. Из этих городов нити реакции тянутся вплоть до границ Сов[етской] России» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26об.]. Боясь Красной Армии, Польша и новые прибалтийские государства поддерживали русскую контрреволюцию, помогали ей материально и технически, снабжали информацией. «Необходимо ВЧК быть в курсе таких дел, знать эти связи и по возможности пресечь нити контрреволюции у границ России, запутать их сеть и предупредить события» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26об.].

Предвидя возражения, что «такая огромная работа трех учреждений» потребует значительных денежных затрат и большого количества людей, Гейцман уверял, что достаточно тех средств, которые уже тратятся обильно и без пользы. А что касается людей, то нужные люди уже имеются на месте и в Праге, и в Галиции, и в Карпатах, и в Югославии. «Нужно только послать одного-двух, много трех опытных, ориентирующихся и умеющих организовать дело людей, умеющих каждому указать свое место и дело, и сложный механизм заработает чем дальше, тем лучше» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26об.]. Очевидно, одним из этих «опытных, ориентирующихся и умеющих организовать дело людей» Гейцман имел в виду себя. В пользу такого предположения свидетельствуют, во-первых, демонстративное подчеркивание близких отношений с В. Гирсой, который обеспечил его визой и ожидал в ближайшее время от него сведений; во-вторых, крайне нелестная оценка деятельности С.И. Гиллерсона и возглавляемой им советской миссии Красного Креста (наша дипломатия «недостаточно гибкая, недостаточно внимательна и слабо вооружена технически», «крайне плохо поставлена» информация) [7. П. 273. Д. 53928. Л. 32]; наконец, Гейцман в Праге оставил свою семью [7. П. 274. Д. 53932. Л. 52]. Он торопил Ленина, просил по возможности поскорее назначить ему аудиенцию [4. Л. 1].

Принял Ленин Гейцмана или нет, установить не удалось. Но в списке членов и сотрудников торговой делегации РСФСР в Чехословакии, представленном 10 августа 1921 г. в МИД ЧСР, И.М. Гейцман записан как «агент для торговых поручений». Следует обратить внимание на запись в графе «Примечания»: «Принят на месте» [11], т.е. к моменту прибытия советской торговой делегации в Прагу он уже там находился. К сожалению, не удалось уточнить, когда он прибыл и чем занимался. В Чехословакии он находился до начала 1922 г., затем вместе с семьей уехал в Москву [7. П. 274. Д. 53940. Л. 124]. Из опубликованных материалов известно, что в 1923 г. он вступил в РКП(б), после Чехословакии продолжалась его служба в Наркоминделе: с июля 1922 по декабрь 1924 г. в должности референта по Китаю в отделе Дальнего Востока, затем был консулом в Маньчжурии, в 1928 г. назначен представителем НКИДа на Дальнем Востоке. С 1933 по 1935 г. — директор Центрального военного архива. В 1936 г. вышел на пенсию. 8 февраля 1938 г. был арестован, 2 августа «Тройкой» при УНКВД по Московской области осужден как агент японской и латвийской разведок и приговорен к смертной казни. 16 августа 1938 г. расстрелян на Бутовском полигоне. В июне 1957 г. реабилитирован [2. С. 566; 6. С. 112; 12].

Некоторые идеи, изложенные в «Докладной записке о текущем моменте в Чехии», пережили своего создателя. Правда, при отсутствии в распоряжении исследователей других документов, отражающих процесс формирования политики Москвы в отношении Чехословакии, трудно судить, насколько эти идеи были новы. Известно, что в течение 1920—1921 гг. велись двусторонние переговоры об экономическом сотрудничестве и, как отмечалось выше, в июне 1921 г. в Праге начала работу торговая делегация РСФСР, а в Москве — соответствующая делегация ЧСР. Очевидно, небезуспешной была деятельность в Чехословакии Коминтерна и ВЧК. А идея славянской взаимности была востребована в других исторических условиях — в годы Второй мировой войны и сыграла свою роль в становлении советско-чехословацких отношений в военные и первые послевоенные годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870—1924. М., 1978. Т. 9.
2. В.И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917—1922 гг.) 2-е изд., доп. М., 1987.
3. Гейцман Илья Моисеевич // Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16435.
5. Анархисты. Документы и материалы. 1883—1935 гг. В 2-х т. М., 1998. Т. 1.
6. Юрьев Б.И. Гейцман Илья Моисеевич // Новая российская энциклопедия. В 12-и т. / Гл. ред. А.Д. Некипелов. М., 2008. Т. 4 (2).
7. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 43.
8. Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890—1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006.
9. Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20—30-е годы). М., 1995.
10. Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920—1921. Praha, 2004. Sv. I.
11. Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha. II. Sekce. 1918—1939. Kr. 563. Ruské sovětské misse politické a obchodní.
12. Гейцман Илья Моисеевич // Жертвы политического террора в СССР (База данных) — Открытый лист [Электронный ресурс]: <http://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 19.09.2018)